

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

МАЙКА ТОМАСЕЛЛО

ИСТОКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

МАЙКА ТОМАСЕЛЛО

ИСТОКИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ОБЩЕНИЯ

Перевод с английского

М. В. Фаликман (гл. 1),

Е. В. Печенковой, М. В. Сеницыной (гл. 2—5),

Анны А. Кибрик (гл. 6—7), А. И. Карпухиной (гл. 7)

Научный редактор

Т. В. Ахутина

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 811.161.1
ББК 81
Т 56

Origins of Human Communication
Michael Tomasello

Публикуется с разрешения *The MIT Press*
при содействии Агентства Александра Корженевского

© 2008 Massachusetts Institute of Technology

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 09-06-07112

Научный редактор *Т. В. Ахутина*

Томаселло, Майкл

Т 56 Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М. В. Фаликман,
Е. В. Печенковой, М. В. Сеницыной, Анны А. Кибрик, А. И. Карпухи-
ной. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 328 с.

ISBN 985-5-9551-0471-3

Майкл Томаселло — американский психолог, всемирно известный специалист в области развития коммуникации и кооперации у ребенка и высших приматов, директор Института эволюционной антропологии Макса Планка.

Книга «Истоки человеческого общения» (2008) показывает, что способность к коммуникации вырастает на основе и вместе с развитием «способности участвовать с другими в совместных действиях с разделяемыми целями и интенциями», т. е. на основе и вместе с развитием совместной интенциональности. Язык, по Томаселло, не рождается готовым, как Афина из головы Зевса. Этапы становления языка связаны с развитием его прагматики.

Книга адресована лингвистам, психологам, специалистам в области когнитивных наук о человеке, а так же самому широкому кругу читателей, интересующихся вопросами происхождения разумного поведения и языка.

ББК 81

*В оформлении обложки использован фрагмент литографии
Мориса Эшера «Встреча»*

© Т. В. Ахутина, вступительная статья, 2011

© Издательство «Языки славянских культур»,

перевод на русский язык, макет, оформление, 2011

ISBN 978-5-9551-0471-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От составителя программы переводов (А. Д. Кошелев)</i>	7
<i>Вступительная статья (Т. В. Ахутина).</i>	9
Предисловие и благодарности	23
Предисловие к русскому изданию	25
1. Начнем с фундамента	27
2. Целенаправленная коммуникация приматов	35
2.1. Голосовые демонстрации	37
2.2. Жестовые сигналы	40
2.3. Коммуникация с людьми	50
2.4. Целенаправленность в коммуникации человекообразных обезьян	57
2.5. Заключение	64
3. Кооперативная коммуникация человека	67
3.1. Указательный жест и пантомимическая коммуникация	69
3.2. Кооперативная модель коммуникации	77
3.3. Коммуникативные конвенции	98
3.4. Заключение	103
4. Происхождение в онтогенезе	105
4.1. Указательные жесты младенцев	106
4.2. Происхождение указательного жеста у младенцев	124
4.3. Ранняя пантомимическая коммуникация	132
4.4. Совместные намерения и первые слова	139
4.5. Заключение	147
5. Филогенетические корни	149
5.1. Возникновение сотрудничества	151
5.2. Появление кооперативной коммуникации	165
5.3. Появление конвенциональной коммуникации	186
5.4. Заключение	201
6. Грамматика	205
6.1. Грамматика просьбы	207

6.2. Грамматика информирования	226
6.3. Грамматика приобщения и нарратива	235
6.4. Конвенционализация языковых конструкций	245
6.5. Заключение	259
7. От жестов высших приматов к человеческому языку	261
7.1. Подведем итоги	261
7.2. Гипотезы и проблемы	267
7.3. Язык как совместная интенциональность	279
Литература	281
<i>Именной указатель (сост. О. Куракова) . . . . .</i>	<i>301</i>
<i>Предметный указатель (сост. О. Куракова) . . . . .</i>	<i>305</i>

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Уважаемый читатель! Перед Вами лежит книжка Майкла Томаселло, специалиста по возрастной психологии, когнитивной лингвистике и антропологии. По данным его личной странички в интернете, его основные научные интересы лежат в области социального познания, социального обучения и коммуникации, и, прежде всего, языка, его усвоения в фило- и онтогенезе. Сейчас теоретический фокус работ Томаселло — совместная интенциональность (*shared intentionality*), т. е. «способность участвовать с другими в совместных действиях с разделяемыми целями и интенциями».

Б. М. Величковский, известный специалист по когнитивной науке, представляя Майкла Томаселло, говорит, что на Западе его называют «американским Выготским». Почему его так называют?

Майкл Томаселло родился и получил психологическое образование в США. Еще в США он начинает экспериментальный анализ поведения детей от 1 года до 4 лет и приматов, чтобы ответить на вопрос, какие когнитивные и социальные особенности отличают человека от приматов. Результаты этих исследований привлекли внимание специалистов. По приглашению общества Макса Планка в конце 90-х гг. он переезжает в Германию и становится одним из директоров Института эволюционной антропологии имени М. Планка в Лейпциге.

В исследованиях М. Томаселло основной тезис психологии Л. С. Выготского — «закон социогенеза» всех высших психических функций человека — является центральной базовой гипотезой, о чем он и сам говорит в предисловии к русскому изданию. «Американский Выготский» проводит тщательное эмпирическое и теоретическое исследование социальных механизмов происхождения языка и других когнитивных функций. Заглавия его книг красноречиво говорят о научном пути ученого:

1997 — *Tomasello M., Call J. Primate Cognition* (Познание у приматов). Oxford University Press.

1999 — *Tomasello M. The Cultural Origins of Human Cognition* (Культурные истоки человеческого познания). Harvard University Press.

2003 — *Tomasello M.* *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition* (Конструирование языка: Основанная на употреблении теория усвоения языка), Harvard University Press.

2008 — *Tomasello M.* *Origins of Human Communication* (Истоки человеческого общения). MIT Press.

2009 — *Tomasello M.* *Why We Cooperate* (Почему мы сотрудничаем). MIT Press.

Книга «Истоки человеческого общения» основана на цикле лекций, прочитанных М. Томаселло в Институте Жана Нико (Jean Nicod Institute) в Париже весной 2006 года. По его словам, основная идея лекций заключается в следующем: «чтобы понять, как люди общаются между собой при помощи языка, и как эта способность могла возникнуть в ходе эволюции, сначала мы должны разобраться, как люди общаются при помощи естественных жестов». Гипотеза Томаселло состоит в том, что первыми специфически человеческими формами коммуникации были указательный жест, а также изобразительные (иконические) жесты. Эти новые формы коммуникации возникли на основе общей социальной практики и связанных с нею новых форм социального познания и социальной мотивации.

Чтобы прояснить эту важную для Томаселло мысль, обратимся к одному из его примеров. Ученый обращает наше внимание на тот факт, что младенцы, еще не умеющие говорить, используют и понимают указательный жест, более того, они применяют его, когда хотят помочь взрослым. В 12 месяцев они показывают пальцем на объект, который родители хотят найти. Шимпанзе не могут так помочь друг другу. Почему?

Что нужно для того, чтобы понять жест или использовать жест для помощи другим? Чтобы истолковать или так использовать указательный жест, необходимо уметь определять: каково намерение собеседника. Но для установления намерения необходимо и совместное внимание и наработанный в предыдущем опыте взаимодействия общий смысловой контекст¹. Для совместного внимания необходимо умение проследживать взор. Отметим на полях, что проследживать взор другого человеческим детенышам легче, чем обезьянам, поскольку в

---

¹ Совместное (разделенное) внимание (shared attention) — «способность человека сопоставить внимание, обратить его на тот же объект или событие, на которые обращает внимание его партнер по общению, без специальной речевой инструкции» (Фаликман 2006: 435; см. Баттерворт, Харрис 2000: 167—169, 166 о роли совместного внимания в возникновении речи у ребенка).

ходе нашей эволюции белки наших глаз стали значительно больше, чем белки глаз даже наших ближайших родственников — приматов. Этому факту посвящена статья М. Tomasello «For human eyes only» (New York Times Op-Ed, January 13, 2007). Итак, даже использование указательного жеста требует социальной практики и структурно-функциональных изменений.

Указательный жест и пантомимическая коммуникация, внедряясь в социальную практику, влияют на дальнейшее развитие совместного внимания и общего опыта и становятся, по мнению Томаселло, «важнейшими поворотными точками в эволюции человеческой коммуникации, уже воплощающими большую часть свойственных исключительно человеку форм социального познания и видов мотивации, необходимых для последующего создания знаковых языков». Таким образом, указательный и изобразительный жесты оказываются психологическим базисом для возникновения всех шести тысяч известных языков.

Выше уже отмечалось, что теоретическим фокусом работ М. Томаселло являются процессы совместной интенциональности (shared intentionality). Приглядимся внимательнее к этому понятию — совместно разделяемая интенциональность, или способность к разделению намерений, замыслов, целей. Это встраивание в намерения других предполагает, по мнению М. Томаселло, новые свойственные только человеку социально-когнитивные и социально-мотивационные навыки. Такое понимание возникновения совместных намерений сразу же напоминает ведущую мысль Выготского о социальном происхождении высших психических функций у человека и о первом этапе социализации — сознании «пра-мы». Для этого основного новообразования младенческого возраста характерно, что «отношение к внешнему миру для ребенка определяется отношением через другого человека» (см. *Выготский Л. С. Младенческий возраст*. 1984. С. 308). Об идейной близости к Выготскому Томаселло сам пишет в предисловии к русскому изданию этой книги: «Я заимствовал у Выготского основополагающую гипотезу о том, что большинство уникальных аспектов «высшего познания» или даже все они тем или иным способом происходят из социального взаимодействия и его интериоризации индивидами».

Понятие совместной интенциональности позволяет Томаселло иначе взглянуть на процесс усвоения языка детьми. С его точки зрения, дети овладевают языковыми структурами с помощью считывания интенций (intention-reading) и нахождения образцов

(*pattern-finding*) в их речевом общении с другими. Томаселло развивает основанную на употреблении теорию усвоения языка (*a usage-based theory*), которую также называют социально-прагматическим подходом к усвоению языка. В соответствии с этим подходом М. Томаселло критикует генеративную грамматику Н. Хомского, отвергая идею врожденной универсальной грамматики (см., например, статью Томаселло 2004 г. под названием: «Какого типа данные могут опровергнуть гипотезу универсальной грамматики?»). В этой статье он утверждает, что все эмпирические феномены, обычно приводимые в пользу гипотезы универсальной грамматики (*UG hypothesis*), одновременно находятся в соответствии с наличием биологических адаптаций для более общих умений человеческого познания и коммуникации.

Коротко остановимся на структуре книги, чтобы попутно прокомментировать и основные понятия, и их перевод.

Название первой главы в буквальном переводе звучит как «Фокус (внимания) на инфраструктуре». Русскоязычный читатель, встречая в отечественной прессе слово «инфраструктура», понимает его как что-то вроде общей структуры, однако, в английском языке существует и другое значение — это основание, невидимая базовая структура (ср. невидимые инфракрасные лучи, лежащие в нижней части спектра, от лат. *infra* — внизу). По Томаселло, такую «максимально скрытую, крайне сложную, специфичную для человеческого вида психологическую базовую структуру» человеческой коммуникации и — шире — других видов совместной деятельности составляют навыки и мотивы разделения намерений (*shared intentionality*). Об этой невидимой части айсберга обобщенно говорится в первой главе и более подробно, с разных сторон в последующих.

О жестовой коммуникации человекообразных обезьян и ее отличии от кооперативной коммуникации человека говорится в главах 2 и 3. Именно в третьей главе подробно раскрывается «базовая структура» человеческого общения.

Онтогенетический и филогенетический аспекты жестовой и словесной коммуникации рассматриваются в главах 4 и 5. В главе 4 Томаселло приводит убедительные данные, показывающие, что у младенцев кооперативная базовая структура формируется практически полностью до того, как начинается освоение речи. В пятой главе он приводит аргументы в пользу того, что кооперативная структура человеческой коммуникации является не случайным или отдельным свойством человеческого вида, а скорее лишь одним из проявлений

крайне выраженного у людей стремления к сотрудничеству, хотя пока еще далеко не ясно, каким образом это стремление сложилось.

Глава 6 посвящена грамматическому измерению в языке. Развивая введенную в третьей главе идею возникновения в ходе эволюции трех основных видов коммуникативных мотивов, в шестой главе М. Томаселло говорит о 3 видах грамматики, соответствующих этим мотивам. Я думаю, что эта глава вызовет особый интерес у лингвистов, специалистов по детской речи и логопедов, поэтому остановимся на ней подробнее.

Первый тип мотивов «просьба» возникает первым, для него типична ситуация «сейчас и здесь». В этой ситуации «сочетания естественных жестов (и/или языковых конвенций) не требуют никакого синтаксического маркирования, а нуждаются лишь в некоем “простом синтаксисе” (“simple syntax”) в рамках грамматики просьбы (grammar of requesting)». Синтаксического маркирования нет, поскольку оно не имеет никакой функциональной нагрузки в коммуникации, ограниченной ситуациями типа «ты и я в момент здесь-и-сейчас и то действие, которое я прошу тебя совершить». М. Томаселло обращает внимание на то, что порядок жестов (знаков) в двухкомпонентных высказываниях может быть произвольным и не несет значимых различий, поэтому он не останавливается на механизмах установления порядка компонентов. Однако стоит вспомнить, что сходных теоретических позиций переход от однословных к двусловным высказываниям у детей интенсивно исследовался в середине 70-х гг. Исследования Э. Бейтс, П. Гринфилд, Дж. Брунера убедительно показали, что на этом этапе ребенок словесно выражает наиболее информативный элемент в разделяемой с взрослым ситуации (Bates 1976; Greenfield, Smith 1976; Greenfield 1978; Bruner 1975). Э. Бейтс высказывает мнение, что таким образом осуществляется первая прагматическая организация высказывания, в которой разделяемая с взрослым (находящаяся в поле их совместного внимания) часть ситуации топикализуется, а коммент выносится вовне в речь. Эта способность является, по мнению Бейтс, «речевой манифестацией базовых механизмов ориентировочной реакции и выделения фигуры из фона, которые мало или совсем не контролируются ребенком» (Bates 1976: 329). В согласии с этой точкой зрения, Дж. Брунер на основе исследований зрительного внимания с регистрацией движения глаз выражает мнение, что «язык соотнобразует с механизмом перцептивного внимания» (Bruner 1975, цит. по: Брунер 1984: 27). Он раскрывает это положение следующим образом: «Правила пре-

дикации естественного языка, несомненно, являются хорошо приспособленным средством выражения результатов действия следующего механизма внимания: языковая структура топик—коммент обеспечивает легкий переход от признака к контексту его появления и опять к признаку, при этом топикализация предоставляет готовое средство перегруппировки новых наборов признаков и образования гипотетически постулированных целостностей, причем последние используются в качестве топиков, относительно которых будут сделаны новые комменты» (Брунер 1984: 27). В свете этих представлений предикативность внутренней речи, о которой говорил Л. С. Выготский², выступает как результат рекурсивного повторения переходов между целым и признаком, т. е. выделения комментов и топикализации контекста (подробнее см. Ахутина 2008). Таким образом, «простой» синтаксис М. Томаселло может быть понят как прагматический синтаксис разделения внимания (в поле совместного внимания коммуникант выделяет наиболее информативное для него и реципиента) и может быть соотнесен со «смысловым синтаксисом», синтаксисом внутренней речи в концепции Л. С. Выготского (1934/1982). В этой связи хочется привести недавно опубликованную запись Выготского, обнаруженную в его архиве: «Внутренняя речь — не после внешней. Внутреннее опосредствование есть с самого начала в речи, которая есть недифференцированное единство внешней/внутренней речи» (Завершнева 2008: 133).

Следующий тип в эволюционной истории мотивов — это «информирование»: представители рода *Homo*, выходя за рамки просьбы, начинают информировать друг друга о положении дел с желанием помочь, даже в отсутствие непосредственного сотрудничества³. Томаселло отмечает, что «с возникновением информирования о функции и референтах, удаленных от момента “здесь-и-сейчас”, возникает

---

² Л. С. Выготский следует здесь за А. А. Потебней, который так трактовал однословное высказывание ребенка: «оно связывает две мысленные единицы: объясняемое (психологический субъект) и объясняющее (психологический предикат)... Словесно выражается в таком предложении только... сказуемое» (1874/1958: 81—82). По мнению Потебни, выражение еще и «объясняемого» — поздний продукт филогенеза языка.

³ По мнению А. А. Кибрика, мотив «предложения окружающим помощи путем их информирования» — это коммуникативный мотив, отсутствующий в обычной классификации речевых актов или иллокуций. Введя в рассмотрение мотивов их эволюцию и разделив мотивы информирования и приобщения, Томаселло фактически сильно переосмыслил эту классификацию.

необходимость в грамматических средствах для того, чтобы а) идентифицировать отсутствующие референты путем помещения их в структуру совместного внимания (возможно, путем использования многоэлементных определений); б) синтаксически маркировать роли участников; в) отличать мотив просьбы от мотива информирования. Выполнение этих функциональных требований привело к возникновению «серьезного» синтаксиса («serious syntax») в рамках грамматики информирования (grammar of informing).

Относительно маркировании ролей участников событий Томаселло отмечает, что самый простой его способ — это порядок жестов или слов. Он пишет: «Почти во всех языках мира, как жестовых, так и разговорных, актер/субъект ставится в высказывании перед пациентом/объектом, по-видимому, поскольку в реальной жизни каузатор (causal source) обычно движется и проявляет активность ранее тех вещей, на которые он воздействует или влияет. Таким образом, этот принцип упорядочения хотя бы в какой-то мере имеет естественное происхождение, но чтобы быть продуктивным, он нуждается в конвенционализации в противовес другим альтернативам».

Итак, «серьезный синтаксис» Томаселло предполагает *семантическую* организацию высказывания, «падежную грамматику». Если мы вновь обратимся к работе Дж. Брунера (1975/1984), то в ней он отмечает изоморфизм «между падежной грамматикой и структурой совместного действия», который помогает ребенку в усвоении исходной грамматики. Усвоение этих общих структур осуществляется, главным образом, через взаимодействие матери и ребенка в игре. Опираясь на анализ видеозаписей, Брунер утверждает, что «это взаимодействие включает сложные смены ролей между партнерами, как, например, в игре с закрыванием лица и обмене предметами... Такая игра не только акцентирует линию агент — действие — объект в деятельности ребенка, но также позволяет усвоить правила сигнализации и упорядочения последовательностей элементов» (Брунер 1975/1984: 35). Позднее Брунер писал об этом более осторожно, подчеркивая, что освоение структуры предметного действия, смены ролей в ней не то же, что овладение процедурами падежной грамматики, но первое является необходимым условием второго (Bruner 1983).

В записях описания картинок детьми со средней длиной высказывания от 1,08 до 1,59 морфем было обнаружено, что в однословных высказываниях дети следовали прагматическому принципу информативности, перцептивной заметности; в большинстве двусловных

высказываний они ставили имя деятеля⁴ на первое место, а имя объекта — на второе (Horgan 1976, цит. по: Greenfield, Zukov 1978). Механизм организации двусловных высказываний, по мнению этих авторов и Э. Бейтс, составной: деятель (каузатор) перцептивно выделен, т. е. на него распространяется прагматический принцип информативности, но одновременно он выделяется и в соответствии с осваиваемой через схему действия падежной грамматикой. Кроме того, такой порядок компонентов поддерживается и речью взрослых. Это упрощает для ребенка освоение прототипических конструкций языка, где роли топики, деятеля и грамматического субъекта совпадают (Bates 1976).

Наш собственный опыт изучения речи больных с передним аграмматизмом (в синдроме афазии Брока) показывает, что противопоставление деятеля и объекта с помощью порядка слов — первое грамматическое правило, появляющееся у больных по выходе из наиболее грубой формы аграмматизма с прагматическим рядоположением слов. Описывая картинку, где мама режет хлеб, больная говорит: «Хлеб нет мама хлеб». При появлении этого правила больные нередко строят предложения с постпозицией глагола: «Кошка курица... несла» и используют порядок слов для построения контрастных пар: «Я пошла соседи, соседи пошли я». Позднее порядок слов подкрепляется регулярным морфологическим противопоставлением оформления субъекта и объекта⁵ (Ахутина 1989). Наличие таких самоисправлений и контрастных пар свидетельствует о том, что правило конвенционализируется, использование грамматических средств и, прежде всего, порядка слов становится правилом семантического синтаксиса с «живыми» значимыми грамматическими категориями.

Кроме задачи маркирования ролей участников ситуации «серьезный» синтаксис должен позволять в интересах реципиента помещать акт референции в рамках совместного внимания. Продолжая эту мысль Томаселло, можно сказать, что говорящему при сообщении об отдаленной ситуации необходимо указать общую точку отсчета для разделения совместного внимания и сообщить новое. Л. С. Выготский

---

⁴ Категории падежной грамматики ребенка диффузны, синкретичны, поэтому, не желая укладывать их в прокрустово ложе логических категорий лингвистики, мы сознательно употребляем наиболее нейтральные термины типа «деятель» и «объект» действия.

⁵ Здесь проявляется выделенный Д. Слобиным принцип «новые функции сначала выполняются старыми формами», а затем уже к ним находят новые более подходящие формы (Slobin 1973/1984), а также (Werner, Kaplan 1963).

в соответствии с терминологией современной ему лингвистики говорил, что задачей «семического» синтаксиса с его живыми значимыми грамматическими категориями является реализация во внешней речи членения «психологического сказуемого» и «психологического подлежащего». Таким образом, если «простой» синтаксис Томаселло сближается с понятием смыслового синтаксиса Выготского, то «серьезный синтаксис», включающий не только правила прояснения того, кто, кому и что сделал, но и новые правила прагматического синтаксиса (правила управления вниманием собеседника), может быть соотнесен с «семическим» синтаксисом Выготского.

Перейдем к третьему типу мотивов — мотиву разделения чувств, опыта и знаний (sharing). Поскольку слово «разделение» вне контекста многозначно, sharing в книге переводится и как «приобщение». О грамматике, соответствующей этой группе мотивов, М. Томаселло пишет: «когда мы хотим рассказать окружающим о сложной последовательности событий с большим количеством участников, играющих в этих событиях различные роли, нам требуются еще более сложные синтаксические средства для того, чтобы связать эти события друг с другом и отследить в них каждого из участников. Это ведет к конвенционализации “искусного синтаксиса” (“fancy syntax”) в грамматику приобщения и нарратива (grammar of sharing and narrative)».

Конечно, мотив разделить знания о последовательности событий эволюционно мог возникнуть только значительно позднее мотива информирования о событии, происходящем не перед глазами собеседников. Но если принять во внимание более простые формы приобщения — например, передачу определенной установки, такой как пойти на охоту, «заражения» соответствующими эмоциями, то они могли совершаться и без изощренного синтаксиса. Ритуальный танец с повторением интенциональных движений вполне может служить этим целям. Голосовые реакции, отличающиеся, по Томаселло, публичностью, также могли бы способствовать передаче настроения, приобщению к совместному намерению. На наш взгляд, в первую очередь в рамках мотива приобщения на почве совместной интенциональности, подготовленной сотрудничеством и жестовой коммуникацией, могла возникнуть традиция использования синпрактичных, т. е. включенных в практику, голосовых знаков (как конвенциональных средств, так и глоссолалических).

Более поздние мотивы приобщения, о которых говорит М. Томаселло, включают намерение к «расширению фонда совместных знаний индивида: делясь информацией, он хочет быть как все в группе, надеется

нравиться членам группы и иметь возможность более тесного общения с ними, что послужит установлению связей и построению социальной идентичности». Развивая эту мысль, Томаселло напоминает, что в любой культуре основным «местом» обмена информацией и отношением к ней с другими членами группы являются нарративы, именно они помогают культуре оставаться единым целым в потоке времени. С точки зрения лингвистики, нарративы, содержащие сложные истории, вызывают массу проблем с передачей временной последовательности событий и обозначением их участников. Эти проблемы разрешаются, по мнению Томаселло, с помощью различных синтаксических средств в рамках того, что он называет «искусным синтаксисом». Свыше 6 тысяч языков, существующих сейчас на земле, обладают искусным синтаксисом. История образования новых языков, как жестовых, так и словесных (креольских) обнаруживает те же три этапа эволюции.

Попробуем соотнести три синтаксиса, выделяемых М. Томаселло, с тремя типами организации высказывания: прагматической, семантической и синтаксической, о которых говорит Э. Бейтс в своей книге 1976 г. По мнению Бейтс, как мы уже отмечали выше, в простейших прототипических высказываниях прагматический топик, семантический агент (agent) и синтаксический субъект совпадают. Только в типах предложения, появляющихся поздно в речевом развитии детей, таких как, например, предложения с пассивными конструкциями, такое совпадение отсутствует. Пассивная трансформация удаляет агента с его нейтральной позиции «дефолтного топика» и «дефолтного логического фокуса». Э. Бейтс считает, что «роль синтаксического субъекта может быть рассмотрена как конвенция, регулирующая взаимодействие между определением прагматического топика и выражением ролей семантических падежей» (Bates 1976: 77). Споря с Н. Хомским, Бейтс утверждает, что синтаксический субъект не первичен. Соглашаясь с падежной грамматикой Ч. Филлмора, она отдает должное важной роли семантической иерархии падежей в выборе топика. Но с другой стороны, она указывает, что семантическая иерархия может вовсе не быть формальной произвольной структурой, «возможно, что иерархия генерируется исходя из психологических принципов идентификации говорящего с различными аргументами глагола⁶. В такого рода

---

⁶ Чтобы облегчить читателю-нелингвисту понимание утверждения Э. Бейтс, приведем пример. Описывая одну и ту же ситуацию, говорящий может сказать: «Маша купила у Ани туфли» или «Аня продала Маше туфли», выбор топика направляет внимание слушающего на разных участников этой ситуации.

моделях, в отличие от модели Хомского, прагматический компонент вносит первичный структурный вклад в синтаксис» (Там же: 77).

Мне представляется не случайным, что ученые, исходящие из принципа «социального происхождения высших психических функций», включая Л. С. Выготского, Дж. Брунера, Э. Бейтс, Д. Слобина и М. Томаселло, приходят к близким выводам относительно фундаментальной роли разделения совместного внимания и усвоения схемы действия в развитии речи вообще и синтаксических функций, в частности. При этом отчетливо проступает роль прагматической организации высказывания, тесно связанной с механизмами совместного внимания. Выстроенная Майклом Томаселло иерархия сложности коммуникативных задач и соответствующих этим задачам видов синтаксиса не только позволяет описывать развитие речи в фило- и онтогенезе, как это отчетливо показано в книге, она также, на мой взгляд, может быть использована и для описания развертывания речи в актуалгенезе. Опираясь на выделенные Л. С. Выготским (1934/1982) этапы перехода от мысли к слову, можно предположить, что на этапе внутренней речи (ситуация здесь и сейчас⁷) работает «простой» синтаксис — говорящий рекурсивно выделяет наиболее информативную для него и слушателя часть в поле внимания — коммент — и обозначает его внутренним словом. Словарное значение слова — коммента под влиянием ассоциативных связей с топиком видоизменяется, оно становится ситуативным, таким образом, объективное значение становится *смыслом* (в понимании этого термина Л. С. Выготским). На семантическом этапе комменты рассматриваются в рамках схемы действия, что позволяет использовать семантические «ролевые» правила «серьезного» синтаксиса. Серьезный синтаксис решает и прагматические задачи — построение рамки совместного внимания, обеспечение возможности для слушающего войти в контекст говорящего и следовать за ним от «данного» к «новому». На этапе построения поверхностного предложения («фазический» синтаксис Выготского) идет нахождение конвенциональных формул передачи прагматической и семантической организации высказывания. Если их соотношение типично для данного языка, то роль «искусного» синтаксиса минимальна, она сводится к оформлению грамматических связей в предложении. Если же между прагматической и семантической организацией высказывания имеется рассогласование, или говорящему необходимо

---

⁷ «Мы всегда знаем, о чем идет речь в нашей внутренней речи» (Выготский 1982: 342).

передать последовательность разных во времени действий, то в этих ситуациях ему в полной мере нужен «искусный» синтаксис.

В седьмой, завершающей, главе книги М. Томаселло кратко подводит итоги, рассматривает, как подтвердились выдвинутые гипотезы, и еще раз показывает продуктивность рассмотрения языка как способности разделять намерения других.

Итак, представляемая читателю книга посвящена анализу возникновения и эволюции человеческих форм коммуникации, как жестовых, так и речевых. Изучая жестовую коммуникацию у высших приматов и младенцев, автор приходит к выводу, что первыми человеческими формами общения были указательные и изобразительные (иконические) жесты. Эти формы вырастают при опоре на общее смысловое поле участников коммуникации (которое включает их социальные и культурные знания и совместную интенциональность). Названные компоненты входят в описываемую автором кооперативную модель человеческого общения. Кооперативная базовая структура совместной интенциональности и обеспечила появление жестовой коммуникации, а позднее и многочисленных конвенциональных языков.

Когда это введение уже было написано, в декабрьском номере журнала PNAS (Труды Академии наук США) появилась статья, показывающая, что символические жесты и речь опираются на работу одних и тех же мозговых структур, что еще раз подтверждает концепцию возникновения языков М. Томаселло (Xu, Gannon et al. 2009).

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутина Т. В.* Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1989; 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Ахутина Т. В.* Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967—2005 // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи / Под ред. Т. В. Ахутиной и Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2008. С. 79—104.
- Баттерворт Дж., Харрис М.* Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь: Собр. соч. Т. 2. 1982. С. 5—361.
- Выготский Л. С.* Младенческий возраст: Собр. соч. Т. 4. 1984. С. 269—317.
- Завершинева Е. Ю.* Записные книжки, заметки, научные дневники Л. С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. № 2. 2008. С. 120—136.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I, II. М., 1874/1958.

- Фаликман М. В. Внимание. Т. 4 серии «Общая психология» / Под ред. Б. С. Братуся. М.: Академия, 2006.
- Bates E. Language and context: the acquisition of pragmatics. New York: Academic Press, 1976.
- Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts // *J. of Child Language*. 2. 1975. P. 1—19. (Цит. по: Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 21—49.)
- Bruner J. S. The acquisition of pragmatic commitments // R. M. Golinkoff (ed.). *The transition from prelinguistic to linguistic communication*. Hillsday; New York: Erlbaum, 1983.
- Greenfield P. M. Informativeness, presuppositions, and semantic choice in single-word utterances // *Development of Communication: Social and Pragmatic Factors in Language Acquisition* / N. Waterson, C. Snow (eds.). New York: Wiley, 1978. P. 159—166. (Цит. по: Гринфилд П. М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 208—220.)
- Greenfield P. M., Smith J. H. The structure of communication in early language development. New York: Academic Press, 1976.
- Greenfield P. M., Zukoff P. Why do children say what they say when they say it? An experimental approach to the psychogenesis of presupposition // K. Nelson (ed.). *Children's language*. Vol. 1. New York: Gardner Press, 1978.
- Slobin D. I. Cognitive prerequisites for the development of grammar // *Studies of Child Language Development* / C. A. Ferguson, D. I. Slobin (eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston Inc., 1973. P. 175—208. (Цит. по: Слобин Д. И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 143—207.)
- Tomasello M. What kind of evidence could refute the UG hypothesis? // *Studies in Language*. 28. 2004. P. 642—44.
- Tomasello M. For human eyes only // *New York Times Op-Ed*. January 13, 2007.
- Werner H., Kaplan B. *Symbol Formation*. New York: Wiley, 1963.
- Xu J., Gannon P. J., Emmorey K., Smith J. F., Braun A. R. Symbolic gestures and spoken language are processed by a common neural system // *PNAS*. Vol. 106. № 49: 20664—20669. December 8, 2009.

Т. В. Ахутина

ПРЕДИСЛОВИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга основана на лекциях имени Жана Нико, прочитанных мною в Париже весной 2006 г. С учетом того, кто именно сейчас работает в институте Жана Нико, я предпочел сфокусироваться на коммуникации. Я проделал существенную эмпирическую и теоретическую работу по: (1) жестовой коммуникации у человекообразных обезьян; (2) жестовой коммуникации у младенцев и (3) раннему речевому развитию детей. Также я поработал над проблемами изучения более общих познавательных и социокогнитивных процессов, включенных в человеческую коммуникацию и речь: (1) социальных и культурных аспектов познания; (2) социального и культурного научения и (3) кооперации и совместных намерений. В данной книге я пытаюсь объединить весь этот материал в рамках одного внутренне согласованного подхода к эволюции и развитию человеческой коммуникации. Эта попытка вдохновлялась единственной мыслью о том, что должны существовать некоторые весьма специфические связи между кооперативной в своей основе структурой человеческой коммуникации, впервые открытой Грайсом, и подчеркнуто кооперативной структурой человеческого социального взаимодействия и культуры в целом (в противоположность взаимодействию у других приматов).

Идеи, высказанные в этой книге, появились, главным образом, в ходе исследований и дискуссий, которые мы проводили совместно со многими из коллег по факультету психологии развития и сравнительной психологии в Институте эволюционной антропологии Макса Планка. Многое из того, что представлено здесь, начиналось во взаимодействии с ними, и теперь я лишь сожалею, что не могу яснее вспомнить, что конкретно и для чего послужило источником.

Но что очевидно, так это что я в большом долгу перед несколькими конкретными людьми. В свете данной книги наиболее важный среди них человек — Мелинда Карпентер. Мы с Мелиндой практически ежедневно обсуждали темы, в той или иной степени связанные с этой книгой. Эти беседы столь основательным образом повлияли на формирование моего мышления, что, к сожалению, невозможно выразить

благодарность ей за какие-то отдельные моменты (или отметить все те пункты, по которым Мелинда выражала несогласие). Также очень важными были многочисленные дискуссии, которые мы на протяжении многих лет вели с Джозефом Коллом о жестовой коммуникации человекообразных обезьян и с Еленой Ливен — о том, как дети осваивают язык.

Я представлял ранние варианты положений, высказанных в этой книге, членам нашей исследовательской группы по социальному познанию (пресловутые сентябрьские встречи), где необычайно ценные отклики мне предоставили Ганс Ракоци, Таня Бенэ, Хенрике Молл, Ульф Лизковски, Феликс Варнекен, Эмили Вайман, Сюзи Грассман, Кристин Либэл, Мария Грэфенхайн, Герлин Хаузер и другие. В том числе я получил предложение исключить множество схем, еще более замысловатых, чем те, что вошли в эту книгу. Я также получил большое количество полезных предложений от самих слушателей лекций имени Жана Нико, в особенности от Дэна Спербера.

Несколько человек прочитали более или менее полный вариант этой книги и помогли мне ее значительно улучшить. Это Мелинда Карпентер, Елена Ливен, Билл Крофт, Адель Голдберг и Джина Контини-Рамсен, а также оставшийся анонимным рецензент издательства MIT Press. Среди других, кто прочел избранные главы и дал мне важную обратную связь, были: Ганс Ракоци, Хенрике Молл, Джо Хенрик, Даниэль Мэттьюс, Навсикая Пускулус, Феликс Варнекен, Колин Баннард, Эмили Вайман и Кристин Либэл. Вдумчивая критика этих читателей сделала книгу гораздо более аккуратной с эмпирической точки зрения, теоретически последовательной и дружественной по отношению к пользователю. Я также благодарен Эстебану Ривасу за помощь, которую он оказал, предоставив данные для таблицы 6.1.

Наконец, как всегда, Генриетта Зидлер не только помогла мне с несколькими специальными моментами, касающимися этого тома, но она также, с ее обычным мастерством и хорошим расположением духа, вела мои дела на факультете, пока я работал над книгой дома. Я также благодарен Аннете Вицманн за помощь с источниками литературы и Тому Стоуну из издательства MIT Press за курирование всего издательского процесса.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Для меня почетна возможность представить читателям русское издание моей книги о происхождении человеческой коммуникации. Данная книга служит попыткой сместить фокус дискуссии о происхождении языков в сторону прагматики, в то время как сейчас обсуждение сосредоточено исключительно на синтаксисе, занимающем центральное положение в научной картине. Прагматика начинается с психологии, то есть с намеренных действий и тех умозаключений, к которым приходят на основании этих действий окружающие. Этот процесс осуществляется особым образом, когда действующий субъект *предполагает*, что другие люди придут к определенным выводам, наблюдая за его преднамеренными действиями (а также за явно выраженными сигналами о том, что он хочет, что они знали, что именно в этом заключается его намерение, как это впервые отметил Грайс). Иными словами, этот процесс особым образом осуществляется в рамках человеческой кооперативной коммуникации, как я буду это здесь называть.

Я надеюсь, что найду отзывчивую аудиторию в русскоговорящем мире. Прежде всего, потому, что в России лингвистика всегда была более широко интегрирована в гуманитарные науки, чем в англоговорящем мире, что особенно ярко выражено в интересе к историческому аспекту языковых изменений. В данной работе развитие конкретных языков рассматривается скорее как культурно-историческое завершение, «венец» сформировавшейся в ходе биологической эволюции общей способности к кооперативной коммуникации, которая впервые проявляется в естественных жестах, таких, как указание и пантомима, где особенно ясно видны стоящие за жестами намерения и умозаключения. Таким образом, в данной работе предлагается возможный подход к объяснению своеобразной предыстории человеческой способности к речи, предшествующей культурно-историческому развитию конкретных языков.

Практически с самого начала моя работа проходила в контексте теории Выготского о познавательном и культурном развитии челове-

ка. Я заимствовал у Выготского основополагающую гипотезу о том, что большинство уникальных аспектов «высшего познания» или даже все они тем или иным способом происходят из социального взаимодействия и его интериоризации индивидами. Выготский четко показал, что языку отводится особая роль в этом процессе, поскольку коммуникативный обмен представляет собой особую форму социального взаимодействия. А интериоризация, в частности, языковых конвенций позволяет даже очень маленьким детям опосредовать свое взаимодействие с миром через обобщения, отражающие, в конечном счете, коллективную мудрость той культурно-исторической группы, к которой они принадлежат.

Но Выготскому в его время, разумеется, еще не были доступны результаты современных исследований, посвященных познавательному и коммуникативному развитию человекообразных обезьян и еще не владеющих речью человеческих младенцев. Эти новые исследования, многие из которых я рассматриваю здесь, позволяют нам гораздо точнее и подробнее определить, какие способности позволяют человеческому виду в ходе биологической эволюции, культурным группам — в ходе исторического развития и отдельным индивидам в онтогенезе прийти к уникальным социальным взаимодействиям, осуществляемым посредством кооперативной и даже конвенциональной коммуникации. Я очень надеюсь, что мои размышления, приведенные в данной работе, смогут расширить наше понимание этих фундаментально важных тезисов Выготского.

Майкл Томаселло, сентябрь 2010 г.

1. НАЧНЕМ С ФУНДАМЕНТА

То, что мы называем значением, должно быть связано с примитивным языком жестов.

Л. Витгенштейн

Подойдите к любому животному в зоопарке и попробуйте передать ему какую-нибудь простую мысль. Скажите льву, тигру или медведю, чтобы он повернулся «вот так», рукой или телом показав ему, как именно, и предлагая что-нибудь вкусненькое в награду. Или просто попросите с помощью указательного жеста встать туда-то, или укажите, где спрятана еда. Или, наконец, известите его, что за кустом скрывается опасный хищник, указав на этот куст и пантомимически изобразив действия хищника. Животные вас не поймут. И дело не в том, что им это не интересно, или недостает мотивации, или они недостаточно умны, но факт остается фактом: животным нельзя ничего *сказать*, даже невербально, в надежде, что они поймут.

Для человека пантомимическая коммуникация и указательные жесты совершенно естественны и прозрачны: просто взгляни туда, куда я указываю, и увидишь, что я имею в виду. Ведь даже младенцы, еще не умеющие говорить, используют и понимают указательный жест, и во многих социальных ситуациях, когда воспользоваться голосом невозможно или неудобно, — например, в битком набитой комнате или на шумной фабрике — люди естественным образом прибегают в коммуникации к указательным или изобразительным жестам. Туристы справляются с трудностями и эффективно общаются в самых разных ситуациях в чужой им культуре, где никто не владеет знакомым им языком, как раз благодаря такой естественно передающей смысл пантомимической коммуникации.

Основная идея этих лекций состоит в следующем: чтобы понять, как люди общаются между собой при помощи языка и как эта способность могла возникнуть в ходе эволюции, сначала мы должны разобраться, как люди общаются при помощи естественных жестов.

По сути, моя эволюционная гипотеза состоит в том, что первыми специфически человеческими формами коммуникации были пантомимическая коммуникация и, прежде всего, указательный жест. Социально-когнитивная и социально-мотивационная базовая структура (infrastructure), сделавшая возможными эти новые формы коммуникации, стала своего рода психологическим плацдармом для возникновения различных систем знаковой языковой коммуникации (всех шести тысяч известных языков). Указательный жест и пантомимическая коммуникация, таким образом, оказались важнейшими поворотными точками в эволюции человеческой коммуникации, уже воплощающими большую часть свойственных исключительно человеку форм социального познания и видов мотивации, необходимых для последующего создания знаковых языков.

Проблема в том, что, по сравнению со знаковыми языками, которыми пользуются люди (включая жестовые языки), естественные жесты кажутся очень слабым средством коммуникации, поскольку несут много меньше информации «внутри» самого коммуникативного сигнала. Возьмем указательный жест, который, как я покажу далее, был первой формой собственно человеческой коммуникации. Предположим, что мы с вами вместе идем в библиотеку, и внезапно я указываю куда-то в направлении ряда прислоненных к стене библиотеки велосипедов. Ваша реакция, вероятнее всего, будет: «А?», поскольку вы понятия не имеете, на что именно я указываю и зачем, ведь сам по себе указательный жест ничего не означает. Но если за несколько дней до этого вы пренеприятнейшим образом порвали со своим молодым человеком, и мы знаем, что мы оба об этом знаем, а один из велосипедов — его, о чем мы тоже точно знаем оба, то тот же самый указательный жест в той же самой обстановке может означать что-нибудь весьма сложное, например: «Там, в библиотеке, сейчас твой парень (может, не стоит туда заходить?)» С другой стороны, если один из велосипедов похож на тот, который, как нам обоим известно, недавно у вас украли, тот же самый указательный жест будет означать совершенно иное. А может быть, мы с вами беспокоились, открыта ли еще библиотека в столь поздний час, и я указываю, что у входа вон сколько велосипедов — стало быть, открыта.

Можно было бы, конечно, сказать, что носителем значения в этих различных примерах является непосредственно воспринимаемый «контекст», но это нам не слишком поможет, поскольку все физические параметры непосредственного коммуникативного контекста были (по определению) идентичны во всех этих разных сценариях.